

Диалог культур как алгоритм исторического развития характерен для российского культурного пространства в целом. Исторические основания культурно-генетического кода российской цивилизации определяются циклами взаимодействия Европы и Азии, полиэтничности состава населения, сочетания государственных и местных, региональных начал существования и взаимодействия народов [6, С.311]. Указанные особенности отечественной цивилизации отличают и историю исторической науки. Ее представителей отличал интерес к культурам народов Запада и Востока. В этой связи, актуализируется проблема ценностных ориентиров, мировоззренческого начала [5, С.143]. Поскольку центрами культуригенеза в его постоянности, незавершенности и изменчивости творческих обновлений являлись города, вполне объясним интерес некоторых ученых к их истории. Культурная традиция многих стран предполагает ключевую роль в ее развитии нескольких ведущих городских центров [15, С.4]. В качестве одной из центральных тем современной медиевистики была и остается проблема развития средневекового города. Отечественная и зарубежная историография характеризуется повышенным интересом к истории средневековых городов. Данная проблема имеет в европейской медиевистике более чем двухсотлетнюю традицию. Проблема городов разного конкретно-исторического типа уже давно является предметом научного познания. Сначала изучался город наряду с другими явлениями и процессами, которым посвящались общие комплексные труды по истории, экономике, культуре, географии, архитектуре, искусству. И лишь с конца 19 в. город становится самостоятельным и полноправным объектом исследования как субъект исторического процесса и действия. В середине XX в. появилась особая отрасль в медиевистике - урбанистика. Особое внимание в исторической урбанистике уделялось средневековым городам Италии, Франции, Германии и Англии. Поэтому именно в этих странах стали складываться национальные школы исторической урбанистики, в рамках которых сформировались основные направления в исследованиях по истории средневековых городов. Отечественная урбанистика внесла весомый вклад в мировую историческую науку. Постепенно происходит интеграция российских историков в мировое сообщество учёных, приобщение к методам и методикам современных гуманитарных наук. Намечилась дальнейшая активизация и расширение поля урбанистических исследований. Были проведены исследования по истории западноевропейских, византийских, балканских, западославянских городов, идет активный поиск новых основ изучения города как исторического феномена, вновь открываются новые имена. Например, имя русского историка Николая Петровича Оттокара (1884 - 1957 гг.), ученика И.М. Гревса, впоследствии профессора Флорентийского университета, стоявшего у истоков новой социальной истории, и ее историко-антропологического направления [7, С.77]. Тем не менее, многие страницы истории отечественной урбанистики еще ждут

своих исследователей. Одна из них – вклад казанских ученых-историков в изучение истории средневековых городов. Именно в Казани располагались крупные и крупнейшие образовательные учреждения Востока России, включая Императорский Казанский университет. Полиэтничность населения «восточной столицы» нарастала по мере развития средств транспорта, интенсификации миграционных процессов, прогресса просвещения [6,С.311]. В отечественной науке проблема истории средневекового города попадает в поле зрения исследователей уже к середине XIX в., одной из первых работ в этой области стала защищенная в 1845 г. магистерская диссертация Т.Н. Грановского, посвященная померанским городам Волину, Йомбургу и Винете. Несмотря на это, в Казанском университете интерес к этому вопросу становится заметен лишь в 1870-1880-х годах. Важную страницу в науку о средневековье вписал А.И. Смирнов. В 1873 г. в Казани вышла его работа, которая была посвящена коммунальному движению «Коммуна средневековой Франции, северной полосы и центральной, в связи с политическим ростом 3-го сословия». Эта книга уникальна тем, что, во-первых, это первая попытка среди казанских ученых-историков исследования данного вопроса, во-вторых - это единственная работа А.И. Смирнова по медиевистике, поскольку в дальнейшем он полностью посвятил себя философии. В основу этого труда легли материалы собранные им в период заграничной командировки для приготовления к профессорскому званию по философии. А.И. Смирнов воспользовался в своем анализе изданными документами архивов городов Амьена и Реймса. Амьен автор рассматривал как тип коммуны северной полосы Франции, как «коммуну в ее строгом смысле». Реймс представлен как образец епископального города и характерный представитель городов центральной полосы Франции[13,С.3]. История коммунального движения заинтересовала А.И. Смирнова, прежде всего ролью, которую сыграло в истории средневековое бюргерство. Что было новым и непривычным для российской историографии того периода, это прославление автором созидательной и творческой мощи буржуазии. Как и многие историки того времени, А.И. Смирнов относил развитие идей к определяющим факторам в историческом процессе. Коммунальное движение также рассматривалось как осуществление новой идеи свободной ассоциации. В гегельянском духе он считал носителем новой идеи «великого человека», «гениальный ум». Автор имел в виду лучшие умы третьего сословия. В противостоянии новых идей отжившей ретроградной инерции народных масс первые в конце концов побеждают [18,С.45]. Данная работа явилась несомненным вкладом в изучение вопроса о коммунальном движении в средние века. По оценке Б.М. Ягудина, он первый, в российской историографии, исследователь муниципальной истории западных стран в период средневековья. Его работа, в какой-то мере предвосхищала взгляды французских урбанистов школы Моно [2,С.270]. Одно из видных мест среди казанских историков занимает И.Н. Смирнов. Его жизнь и

творчество, оставались долгое время обойденными в отечественной науке. Свою научную деятельность он начал как славист-медиевист, специализировавшийся по южным славянам, что было в то время редкостью для профессора всеобщей истории, но большую известность он получил как историк и этнограф в финно-угроведении. И.Н. Смирнов был одним из пионеров в той и в другой области науки, стоял у их истоков. Мировоззрение И.Н. Смирнова испытало воздействие немецкой историографии, так как он явно в гегельянском духе признавал принципиальную неравномерность развития разных народов в истории, разделяя их на «исторические и неисторические» оперировал понятием «народный дух», признавал государство высшим творением масс. Известно, что и его научный руководитель – профессор Н.А. Осокин был горячим поклонником философии Гегеля [18, С.101]. Первый раз И.Н. Смирнов серьезно заявил о себе в студенческие годы сочинением на тему, предложенную факультетом в очередном учебном году и удостоенным золотой медали. По окончании Казанского университета И.Н. Смирнов был оставлен для подготовки к профессорскому званию и в 1881 году защитил магистерскую диссертацию по теме «Отношения Венеции к городским общинам Далмации с ХП до половины ХIV века», выбранную по указанию Осокина, видимо, явившегося его научным руководителем. В этот период славянская тематика была актуальна в русской науке в связи с крестьянской реформой и освободительным движением славянских народов на Балканах. В этой работе ученый кроме анализа отношений между Венецией и югославянскими городами-коммунами попытался определить влияние славянской общины на устройство далматинских городских коммун [14, С.1]. В условиях преобладания в славяноведении лингвистических методов, труд И.Н. Смирнова остался малозамеченным в науке, тем не менее, это было одно из первых исследований южных славян, осуществленное историком, а не филологом. В 1883 г. министерство народного просвещения командировало И.Н. Смирнова за границу для научной работы в архивах Венеции, Рагузы (Дубровника) и Загреба, где им было изучено более 1500 актов, извлеченных из Венецианского архива, а также большое количество итальянских и венгерских летописей и разнообразных пособий [8, Л.1]. Из своей заграничной поездки ученый также вынес увлечение социологией Г. Спенсера, и отныне в центре его внимания всегда будут общество и общественные отношения. Докторская диссертация И.Н. Смирнова «Отношения Венеции к городским общинам Далмации. Вып. II. С 1358 по 1573 г.» была успешно защищена в 1884 году, но социологический метод, использованный ученым, критики и оппоненты сочли неудачным [17, С.3]. Основные положения концепции И.Н.Смирнова состоят в следующем: население далматинских общин вплоть до X в. было преимущественно романского происхождения, а население городских округ было славянским; горожане, оберегая свою национальность, долгое время не допускали славян в число своих жителей, поэтому далматинские города, в

отличие от западноевропейских, не были носителями свободы и не оказывали влияния на округу; городское право общин сохранялось со времен Римской империи, о чем свидетельствовали терминология муниципальных структур и механизмы формирования городской власти, а затем развивалось под влиянием Венеции; средневековые города Далмации, в отличие от западноевропейских, были аграрными; особенность данных городов состояла в постепенной славянизации их населения, в отличие от бывших городов Римской империи в Западной Европе, в населении которых растворились германцы [1,С.18].

Концепция, сформулированная И.Н. Смирновым не утратила научной объективности, и по сей день представляет интерес для урбанистики. В Казанском университете было выпущено несколько работ профессоров, которые не являлись историками-медиевистами, но их тематика была близка средневековью. В том числе докторская диссертация С.А. Егиазарова, профессора энциклопедии и истории философии права «Исследования по истории учреждений в Закавказье» (часть II. Городские цехи). Она была посвящена городским цехам в Закавказье – амкарствам, являясь вторым томом в трилогии, которую задумал написать автор (в первом изучалась сельская община, ее внутренние распорядки с экономической и административной стороны, третий предполагал изучение истории внутреннего строя и управления закавказских городов). С.А. Егиазаров считал, что изучение закавказских амкарств может пролить новый свет на вопрос о происхождении цехов вообще. Он хочет сказать, что цеховая система отнюдь не является чисто западноевропейским явлением, то есть он не отрицает большого влияния на организацию и внутренние распорядки средневековых цехов римской культуры и национальных особенностей германцев. Тем не менее, изучая закавказские амкарства, Егиазаров путем сравнительного анализа приходит к выводу, что эти учреждения являются вполне аналогичными и однохарактерными со средневековыми цехами [3,С.2]. Для его задачи гораздо были важнее цели, которые преследовали гильдии и братства. С этой точки зрения С.А. Егиазаров делил их на религиозные гильдии и гильдии для взаимопомощи. Эти древнейшие союзы, по его мнению, пришли на смену римских институтов. Здесь он солидарен с историками германского права. Далее С.А. Егиазаров рассматривает данные о существовании цеховых организаций на Востоке и, в частности, в Закавказье. Это позволяет ему заявить, что амкарства существовали гораздо раньше XVII в., которым датируются сведения об их организации. При этом он ссылается на цехи в Европе, которые древнее своих статуты. В амкарстве религиозный момент был развит больше, чем в большинстве из средневековых цехов этого периода [3,С.43]. Новый этап в развитии медиевистики в Казанском университете связан с именем В.К. Пискорского. Изучение источников средневековья на практических занятиях явилось вехой в развитии медиевистики в Казанском университете. На

семинарах 1906/1907 учебного года были изучены документы по истории ремесленных цехов во Франции и Германии, изданные Ф. Шмолером [9,Л.23]. Студенты, занимавшиеся на семинарах, должны были представить «по два небольших реферата по частным вопросам цеховой организации (о положении учеников, подмастерьев, мастеров, о шедевре, об управлении и организации отдельных ремесел, о стачках)». Представленная на семинарах работа весьма выгодно отражалась на достоинствах некоторых рефератов [10,Л.17об]. Не пройдем и мимо того факта, что к пионерским исследованиям отечественной урбанистики относится и написанная под руководством В.К. Пискорского студенческая работа Н.П. Грацианского «Парижские ремесленные цехи в XIII–XIV столетиях» (Казань, 1911). Удостоенная золотой медали, эта работа – первое в русской литературе локальное исследование средневекового цехового строя [11,С.10] – изучается и почти сто лет спустя, уже в XXI веке. Здесь уместно внести ясность в вопрос о приоритете постановки темы средневекового города как исследовательской и педагогической проблемы. Ю.Ф. Иванов, реконструируя путь Н. Грацианского к его книге «Парижские ремесленные цехи в XIII–XIV столетиях», выдвигает предположение о том, что проф. В.К. Пискорский «предложил своему ближайшему и многообещающему ученику для медального сочинения тему по городской проблематике», отсылаясь на новые веяния в науке [4,С.156]. Он связал их с получением письма от своего товарища, такого же ученика И.В. Лучицкого профессора Московского университета Д.М. Петрушевского, писавшего в конце 1908 г.: «Сейчас я, между прочим, курсисткам читаю общий курс о средневековом городе. В университете меня очень привлекает мысль когда-нибудь в обработанном виде преподнести свои соображения об этом цикле явлений... написать о городе средневековом книжку общего социологического содержания». Дело обстояло иначе: В.К. Пискорский на два года раньше обратился к проблеме средневекового города, чем Д.М. Петрушевский. Потому в отчете факультета за 1908 г. читаем: «Студент V семестра ИФФ Николай Грацианский согласно отзыву проф. Пискорского за сочинение «Парижские ремесленные цехи в XIII–XIV столетиях» награжден золотой медалью». Отзыв был напечатан в декабрьском номере «Ученых записок Казанского университета» за 1908 г. Среди достоинств автора рецензент подчеркнул, что он «основательно изучил старый французский язык, на котором написана большая часть тех документов, которые легли в основу его работы». Сама работа, по словам Пискорского, «отличается литературностью, ясностью, последовательностью и живостью изложения, внимательным отношением к источникам...» [16,С.19]. В заблуждение историографа могло ввести то, что сочинение Грацианского было издано отдельной книгой только в 1911 году. Но в судьбу рукописи, рекомендованной в том же 1908 г. к изданию в «Ученых записках» университета за 1910 г., вмешались другие факторы [11,Л.12]. Был исчерпан лимит печатных листов, потому Н.П. Грацианский издал работу через

год отдельной книгой, что явно сыграло положительную роль в судьбе исследования и ее автора. В Казани не сложилась крупная историческая школа, подобно математической, химической и лингвистической. Также как, в силу определенных обстоятельств, не сложилось направление, в рамках которого могли появиться труды ученых, с потенциалом заложить основу для формирования казанской урбанистики. Тем не менее, казанскими историками была проделана масштабная работа, в ходе которой были рассмотрены некоторые важные социально-экономические аспекты средневековой городской истории.